

Панельная дискуссия КОНФЛИКТЫ КУЛЬТУР И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ

20 мая 2016 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Выступающие:

- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ** ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (*модератор*)
- А. А. ГУСЕЙНОВ** научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- Г. КЁХЛЕР** президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии
- М. КУКОЧ** старший научный сотрудник Института социальных наук им. Иво Пилара (Сплит, Хорватия), профессор, доктор
- В. А. ЛЕКТОРСКИЙ** заведующий сектором теории познания Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор
- Г. М. РЕЗНИК** вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- Т. РОКМОР** профессор Института иностранной философии Пекинского университета (Китай), доктор философии
- В. С. СТЕПИН** руководитель секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- В. А. ТИШКОВ** академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Добрый день, уважаемые коллеги! Наша дискуссия посвящена конфликтам культур и международному терроризму. Игорь Семенович Кон когда-то сказал мне, что если существует теория, она может быть изложена на пальцах. Если же четкой теории нет, то о ней можно говорить часами.

В. С. СТЕПИН: — Когда теории нет или она находится в процессе создания, выдвигаются гипотезы и вводятся предварительные определения ключевых понятий. Эти определения уточняются в процессе дискуссий, где каждый дискутирующий оставляет за собой право что-то изменить или дополнить. Так развивается научное знание.

Что же касается определения терроризма, то думаю, что исходный мотив террора состоит в следующем. Человек хочет реализовать какую-то социальную цель и убежден, что эта цель оправдывает любые средства. И он начинает убивать ни в чем не повинных людей, которые никоим образом не противодействуют ни ему, ни его цели. Он убивает для того, чтобы создать атмосферу нестабильности и угрозы и таким образом заставить лиц, облеченных властью, удовлетворить его требования. В этом я вижу суть терроризма.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — А есть ли связь между терроризмом и культурой?

В. С. СТЕПИН: — Ответ надо начать с другого вопроса: что есть культура? Это система надбиологических программ человеческой жизнедеятельности. У человека есть два вида программ. Во-первых, биологические, генетические — это коды, доставшиеся нам в процессе эволюции и переданные родителями. Во-вторых, надбиологические, определяющие нашу связь с другими людьми: поведение, нормы жизни, деятельность. Надбиологические (социальные) коды образуют сложноструктурированную систему, в которой есть глубинные программы, базовые ценности и жизненные смыслы, организующие множество других, более конкретных программ деятельности, поведения и общения людей. Всю эту систему можно обозначить словом «культура».

Дальше возникает следующий вопрос. Обычно культура понимается как нечто такое, что должно гуманным образом способствовать развитию, совершенствованию человека. Это «настоящая», подлинная культура. Но есть и другие типы программ — обычаи, правила, ритуалы, привычки, которые не укладываются

ся в парадигму нравственного и физического совершенствования человека. В обыденном понимании это скорее не культура, а антикультура. Например, культуру фашизма мы признаем как антикультуру.

Таким образом, важно договориться об определениях. В широком смысле — да, терроризм связан с определенной культурой и коренится в ней. Например, во многих восточных культурах есть обычай кровной мести: если у вас убили родственника, то вы должны найти убийцу и отомстить, возможно, убив его близких.

Когда происходят такие процессы, что целые этносы ставятся в условия выживания под внешним давлением, когда идут войны, то подобные обычаи могут привести к действиям, которые можно обозначить как терроризм, то есть убийство невинных людей, никоим образом не навредивших террористу, но связанных с той общественной структурой или государством, которое он считает виноватым, например, в смерти своих близких и т. п. То есть получается, что терроризм связан с культурой.

Есть такие культуры, в которых этот обычай официально признается нормальным. В системах права европейских государств этого нет, но во многих архаичных этносах это одна из норм регулирования общественной жизни. Думаю, что корни терроризма надо искать в подобной архаике. Но как получается, что в современном глобализирующемся мире эти архаические корни выходят на поверхность и начинают играть главную роль? Эту проблему надо обсуждать и исследовать.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Пожалуйста, господин Кукоч, прошу Вас продолжить.

М. КУКОЧ: — Я считаю, что необходимо дать точное определение этому явлению, которое будет основано не на идеологии или предрассудках идеологического или политического характера. То есть мы не должны называть наших врагов террористами, а наших союзников — борцами за свободу. Надо быть очень конкретным. Например, украинское правительство и украинский президент не являются террористами, потому что Украина — это независимое государство. Режим Башара Асада в Сирии также не является террористическим, поскольку Асад — президент суверенной страны. Акты террора в Париже, Брюсселе и где-либо организует не Асад, а «Исламское государство», поэтому мы должны называть вещи своими именами. Не следует исходить из идеологических соображений, в противном случае мы создадим хаотичную ситуацию и не будем знать, кто террорист, а кто нет.

Можно дать простое определение терроризму исходя из понятия «террор». Терроризм означает запугивание, убийства безвинных людей для достижения определенной политической, идеологической и прочих целей. Различия между прежним терроризмом и сегодняшним, века глобализации, хорошо иллюстрируют примеры Испании, Великобритании. Терроризм до того, как наступила глобализация, имел национальные корни. Он был основан на идеологии — например в Италии существовали «Красные бригады», по-

добного рода организации были во Франции и Германии и т. д. Но современный терроризм в глобальном масштабе связан не с политической, а с культурными и религиозными идеями. Поэтому в эпоху глобализации мы до сих пор наблюдаем столкновения разных культур и цивилизаций.

Радикальный исламский фундаментализм использует терроризм в своих целях. В то же время неизвестны случаи, чтобы терроризм поддерживался светскими режимами. В западной культуре, христианстве нет оснований для акций подобного свойства. Секуляризм начался в век Просвещения и продолжается до сих пор, он является отличительной характеристикой западного общества.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Несколько странно, что Вы связываете терроризм только с религией. Советский Союз в свое время поддерживал многие повстанческие движения, которые по современным меркам вполне можно назвать террористическими. Афганистану и ряду иных государств страны Запада тоже оказывали большую помощь, в том числе и «Аль-Каиде». Действия секретных служб западных государств на деньги западных налогоплательщиков послужили возникновению ДАИШ (ИГИЛ). В мире много примеров, когда терроризм спонсируется светскими режимами. Что Вы об этом думаете?

М. КУКОЧ: — Возможно, светский режим будет поддерживать терроризм, чтобы достичь собственных целей. Но сегодня терроризм полностью основан на определенных религиозных и культурных корнях. Я не считаю, что можно сравнивать сегодняшний глобальный терроризм с национальным терроризмом, который доминировал в прошлые времена, когда в эпоху холодной войны происходило столкновение идеологий. Ультралевые силы в Германии, Италии, Ливане организовывали национальные группы террористов для достижения национального суверенитета, как это было у басков или Ирландской республиканской армии (ИРА) в Великобритании.

Такого рода терроризм, когда происходит столкновение идеологий, мы сейчас не наблюдаем. Он существовал в XII веке, преобладал в XX веке. Сегодня совсем другие конфликты и другой терроризм. Поэтому, когда говорится о столкновении цивилизаций по Сэмюэлю Хантингтону, эта точка зрения характерна для парадигмы, существовавшей в 1990-х годах, но та парадигма отличается от оптимистической, которую развил Фукуяма в конце XX века.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — В утопии Фукуямы вообще никакого терроризма не было. Слово предоставляется академику Тишкову.

В. А. ТИШКОВ: — Если говорить о дефиниции, я бы сказал, что терроризм — это открытая масштабная форма насилия или феномен насилия в форме устрашения с целью добиться политических или других целей. Зерном здесь являются открытые, масштабные, недискриминированные формы насилия, то есть

не выборочные, в отличие от революционных террористов, которые сошли с исторической арены, потому что в то время, когда они взрывали губернаторов или царских особ, страдали и другие люди.

Сегодня терроризм — это в значительной мере другой феномен. Безусловно, он направлен на устрашение, потому что сам факт террора не приносит желаемого результата с точки зрения победы над противником, но он сеет страх, рассчитан на то, чтобы вынудить предполагаемого противника сделать определенные уступки или принять условия. Сегодня это наиболее общепринятая формулировка определения террора в политической антропологии (дисциплине, в которой подробно рассматривается феномен террора). А философы менее всего разрабатывают это понятие.

Существует классификация современного международного терроризма. В отличие от международного, при государственном терроризме источником террора может быть само государство, власть (мы это пережили в нашей стране, не говоря уже о других регионах мира).

Характеризуя современный международный терроризм, нужно назвать ряд факторов. Прежде всего это феномен культуры. Под моей редакцией (вместе с профессором из Санкт-Петербурга Бочаровым) несколько лет назад вышла книга «Культура насилия», где есть раздел, раскрывающий различные аспекты терроризма. Важна доктрина или прагматика современного террора — чем и как он обосновывается. На первом месте — религиозный фактор, особенно связанный с одной из мировых религий, где возможны жесткие трактовки. Само понимание ценности жизни в мусульманской религии отличается от религиозной христианской или буддистской доктрины: ценность жизни здесь, особенно для тех, кто вне этой религии, нулевая.

Существуют и другие моменты, связанные с террором и террористическими действиями, — это разные освободительные проекты, борьба за освобождение от колониального гнета или зависимости, за суверенную государственность. Ирландская республиканская армия (ИРА), Страна Басков и Ольстер — это не мейнстрим, они находятся в подполье и используют террористические методы, в основном взрывы и теракты; здесь религиозный компонент фактически нулевой.

Другая сложная проблема касается агентов: кто участвует в терроре? Высказываются разные точки зрения, что это в основном протест маргиналов, малообразованных людей или зажатых в рамках жесткой доктрины и прошедших определенную идеологическую обработку. И то и другое верно, потому что нет однозначного ответа.

Третий важный момент — процедура рекрутирования в террор. Как проходит индоктринация, какими методами (начиная с простых брошюр типа «Мой джихад»)? Что такое джихад? Какова азбука русского террориста или националиста? Слава богу, здесь пока мы не наблюдали террора, но такая опасность существует. И убийства, и террористические акты планировались организациями, стоящими на позициях крайнего национализма, особенно в его этнической форме. Индоктринация происходит в том числе через медийные

пространства, особенно психологическая индоктринация жертв различных драм, например семейных (молодые женщины, потерявшие в конфликтах близких).

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Валерий Александрович, я хочу Вас вернуть от форм вовлечения в терроризм к несколько другим вещам. Сегодня в нашей беседе уже прозвучало несколько мнений, связанных с проблематикой, которая лежит в основе терроризма. Точного определения, наверное, мы не дадим, но примерное понимание у всех одинаковое. Вы высказали свое мнение, так же как и Вячеслав Семенович, господин Кукоч, но, тем не менее, прежде всего это первобытно-родовая месть за свой клан, то есть это тема выживания, устойчивости своего клана. Второе мнение — это национально-освободительное движение. Третье, что сегодня прозвучало, — это борьба за какие-то социальные моменты, допустим, те же «Красные бригады», или «Баадер–Майнхоф», или российские революционеры. Четвертое — это ИГИЛ, идеологическое обновление, отрицание всего того, что делается в другой культуре, переосмысление ислама, причем весьма спорное и разнообразное.

Валерий Александрович, я Вам хочу задать простой вопрос. На днях в Москве человек захватил банк с заложником, хотел таким образом получить деньги. Но мы ведь не говорим, что это террорист, мы говорим, что это бандит. Что отличает акты бандитизма от актов террора?

В. А. ТИШКОВ: — Дело в том, что если говорить об участниках террора, осуществляющих террористические акты, а не об идеологах, как правило, взрослых умных дядях, то там действительно очень много людей с особым типом психики, которые легко внушаемы, воздействованы или вообще не очень нормальны (так называемые «пограничники»). И это уже дело психологов, я бы даже сказал, антропологов, политологов и философов. Есть категория особенных людей, которых привлекают войны, конфликты, насилие. Где только случается какой-то открытый конфликт, они стремятся туда. Я наблюдал в Чечне, когда занимался анализом чеченского конфликта и войны, что туда слетаются авантюристы со всего мира, которым хочется повоевать. Фактор того, что есть определенная порода людей пограничного психологического, психического склада, которые готовы участвовать в различных экстремальных проектах и действиях и стать их исполнителями, необходимо брать во внимание. Так что здесь следует учитывать психологию.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — То есть террорист всегда психопат?

В. А. ТИШКОВ: — Почти всегда.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Валерий Александрович. Абдусалам Абдулкеримович, Вам слово.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Несколько замечаний по намеченным вопросам — по поводу определения терроризма. Мы рассматриваем терроризм в наших дискус-

сиях сегодня как некое обычное объективное явление и как бы включаем его в наш, так сказать, принятый научный дискурс: определение, социально-психологические причины, различие форм и т. д. И здесь есть опасность того, что наши рассуждения строятся таким образом, что оказываются формой легитимации насилия, его оправдания. Ведь известно: понять — значит оправдать. И поэтому первое, что мне хочется сказать: хотя мы не знаем определения терроризма, мы знаем, что это такое. Скажем, бомбист, который идет в толпу взорвать себя или подрывает самолет, — мы ясно понимаем, что это террорист. У нас нет определения зла тысячи лет, но, тем не менее, люди знают, что зло — это то, с чем надо бороться. Это первое, что мы должны установить при обсуждении этого вопроса. Терроризм — это то, чего не должно быть. И, следовательно, обсуждать его мы должны только под этим углом зрения.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — В Российской академии образования один коллега как-то высказал очень интересную мысль: главная задача школьного образования — даже не выучить закон природы, а научиться отличать добро от зла.

В. А. ТИШКОВ: — Конечно, эти нелегитимные формы насилия — очень важная тема.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Теперь что касается связи терроризма и культуры. Те понимания культуры, которые сейчас существуют, — разные. Все они позволяют террористам апеллировать к культуре как к одному из аргументов и основанию своей деятельности. И все эти определения позволяют их сторонникам сказать, что террористы злоупотребляют этим определением. И мой второй ключевой тезис состоит в следующем: до тех пор пока мы даем такое определение культуры, в рамках которого проводим различия между легитимным и нелегитимным насилием, а следовательно, нравственно оправдываем какие-то формы насилия, мы никогда не дадим такого определения, которое бы сторонники террористов не могли использовать в качестве своего прикрытия. Чтобы теоретически, философски осмыслить и на уровне философии, теории закрыть дорогу терроризму, мы должны как бы вывести само насилие за рамки нравственно оправдываемого явления нашей жизни. Всякое насилие — применяет ли его какое-то государство, или террористическая организация типа ИГИЛ — это насилие. Конечно, между этими формами есть различия, но это все равно нравственно недопустимо.

Третье мое замечание: терроризм эксплуатируется, в том числе и властями. Здесь господин Кукоч говорил о том, когда своих противников называют террористами, и поэтому очень важно отличать терроризм от форм восстания, политических акций, направленных против государств, правителей, — от того, что называется революциями, восстаниями, национально-освободительными движениями. Нельзя путать одно с другим. Может быть, это положит конец или по крайней мере затруднит использование борьбы с террориз-

мом как повод для поправки каких-то правовых норм. Вы посмотрите, что делается даже у нас в стране. Окружают танками, стреляют, говорят, что там были террористы, и непонятно, где право, где закон.

И последнее мое замечание. Вячеслав Семенович апеллировал к архаике как к одному из психологических идеологических корней терроризма — в этом, конечно, нет никаких сомнений. Тем более что вообще современный международный терроризм принципиально выступает как ретроградное явление, апеллирует, так сказать, к прошлому и т. д. Но надо учесть то, что терроризм является извращенной, неадекватной, ложной, но реакцией эпохи глобализма. Мы не можем сказать, кто в глобализме является субъектом. А вы можете сказать, кто является субъектом международного терроризма, какая сила за ним стоит? Одна из особенностей современного терроризма, над которой надо думать, в том, что он действительно существует как глобальное явление в самой ужасной форме. Он снял различия между этносами, религиями, между Африкой, Азией, Европой и т. д. И люди идут к ним и чувствуют себя как бы в своей родной среде. Нам надо подумать над тем, что террористы быстрее среагировали на реальность глобализма и глобализации, чем мы, которые, конечно, за глобализацию и против терроризма.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я думаю, что все-таки первыми глобалистами были философы, вторыми — банкиры. Слово предоставляется господину Рокмору.

Т. РОКМОР: — Очень интересно слушать эту дискуссию, очень умные люди здесь собрались, и у всех разные соображения относительно того, что происходит. Что же такое терроризм? Я бы хотел высказать несколько тезисов по этому вопросу. Прежде всего нужно все-таки найти определение терроризма в современном мире, но мне кажется, что любое такое определение все-таки будет произвольным. Поэтому мы не сможем прийти к определенному соглашению, так как разные люди по-разному понимают, что такое терроризм. Я думаю, что точно так же, как есть разные виды терроризма, есть разные виды сил, в том числе такие, которые эксплуатируют терроризм только ради одной цели. Надо сказать, что мы пока совсем не говорим об экономическом терроризме, а ведь в действительности терроризм возникает по разным причинам и есть разные его виды. Часто он связан с экономическими факторами.

Приведу пример: я в силу ряда особых обстоятельств проявляю большой интерес к исламскому терроризму, это связано с моей биографией. Хотя это не имеет отношения к ИГИЛ, но меня интересуют корни и причины исламского терроризма. Мне кажется, когда говорят о причинно-следственной связи — а на этом форуме много говорилось о глобализации экономики, что бы это ни означало (звучали разные мнения), — не учитывают, что ислам — это религия, которая самовоспроизводится, то есть воспроизводит собственные традиции. Ислам — это религия, у которой нет истории. Мне кажется, что глобализация, встроенная в экономику, стремится к бесконечному

расширению для того, чтобы выйти за пределы, при этом нарушая границы, которые возвели вокруг себя исламские государства. Это все основано на желании людей, которые живут при капитализме, контролировать все вокруг без всяких границ. Но у людей, которые становятся жертвами такой эксплуатации, есть желание поддерживать собственный способ жизни.

В заключение я хотел бы отреагировать на то, что здесь было сказано. Я согласен с тем, что действительно существует государственный терроризм. Меня беспокоит то, что когда речь идет о терроризме, то не только отдельные индивидуальности, но и государства могут эксплуатировать идею религиозных различий. Если мы сможем разглядеть эти вещи, то, конечно, сможем решить проблему.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется академику Владиславу Александровичу Лекторскому.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Точную дефиницию терроризма, наверное, дать трудно, хотя можно в общих чертах сказать о том, что под этим понимается. Это использование насилия для достижения каких-либо целей, которые представляются справедливыми тому, кто это делает, и при этом террорист не считает с тем, что погибнут невинные люди. Современный международный терроризм имеет специфические особенности, отличающие его от терроризма, который был ранее. Терроризм существует давно — он был и в России, и в Западной Европе. Кто-то сказал, что если мы хотим понять какие-то явления, то тем самым как бы оправдываем их. Это не так. Если я вижу, что молния ударила в человека и он погиб, я могу это объяснить. Это не значит, что я оправдываю гибель человека от удара молнии. Но если я знаю, отчего могут погибать люди в таких случаях, я могу принять меры для того, чтобы этого не произошло. То же самое и с терроризмом. Если мы понимаем корни терроризма, знаем условия, благоприятствующие ему, мы получаем средства не для того, чтобы оправдать терроризм, а как раз для того, чтобы с ним бороться.

Как могут люди прийти к оправданию терроризма? Приведу пример. Известный философ Георг Лукач в 1910-х годах изучал Достоевского и плакал над рассуждениями Алеши Карамазова о том, что ни одна слезинка невинного ребенка не должна пролиться. Прошло несколько лет — Лукач вступил в Коммунистическую партию Венгрии и нашел способы оправдывать расстрелы и терроризм. На эту тему писали многие. Сартр писал об этом в своих книгах и пьесах. Камю анализировал феномен русского эсера Каляева, убитого генерал-губернатора Москвы. Есть интересная книга у Мерло-Понти «Гуманизм и террор». В общем, это большая проблема: и философская, и психологическая. Я помню, что, когда в 1970-е годы в Западной Европе появились террористические «Красные бригады» (в Италии), группы «Баадер–Майнхоф» (в Германии), люди это осуждали, но отдельная группа интеллигентов, включая известного писателя-гуманиста Генриха Белля, им сочувствовала. Считалось, что ради

великого, справедливого, по их мнению, дела они готовы были жертвовать собой и другими.

Есть такое понятие, как «государственный террор», который существовал в фашистской Германии, в Советском Союзе. Это немного другое явление. А то, что сейчас называется международным терроризмом, — все-таки специфический феномен, который хотя и связан с тем терроризмом, который был ранее, но имеет свои особенности. И они связаны с культурой.

Мы сегодня говорили об отношении международного терроризма к экономическим, политическим, геополитическим и прочим проблемам, это был интересный и важный разговор. Но мне кажется, если мы хотим понять современный международный терроризм, его специфику, особенности, то проблему культуры мы никак не можем обойти, как и проблему ценностей. Ведь в основе культуры лежит система ценностей. Если мы не будем это учитывать и анализировать, то в современном терроризме будет трудно разобраться.

Сегодня некоторые экономисты говорили о том, что глобализация — вещь абсолютно неизбежная: она началась и будет продолжаться, и никто не может этому помешать. Для меня этот вопрос более сложный. Конечно, если когда-то возникла система, которая называется рыночным капитализмом, то она, развиваясь, на каком-то этапе неизбежно должна была бы привести к процессу, который получил название глобализации. В этом смысле глобализация неизбежна. Но глобализация бывает в разных формах. И та форма, в которой она стала осуществляться, не обязательно единственно возможная.

Когда впервые заговорили о глобализации, то Генри Киссинджер, бывший госсекретарь США, сказал: «Давайте, дорогие друзья, признаемся честно, что глобализация — это просто американизация». Изначально это так и было. То есть это не просто распространение некоторых экономических механизмов, рыночной экономики, транснациональных корпораций и финансовых учреждений на мировой рынок, но и глобальное распространение информационно-коммуникационных технологий и особой культуры, с этим связанной, прежде всего массовой культуры. Последняя стала вступать в противоречия с теми традиционными культурами, которые существуют во многих странах мира. Поэтому глобализация — это не просто экономические процессы, а процессы культурные, и при этом очень конфликтные.

Вот тут-то и возникла проблема противодействия глобализации со стороны существующих культур, как сказал об этом сегодня Том Рокмор. Речь идет о вызове определенному образу жизни, который складывался веками и тысячелетиями. Дело не просто в конфликте культур, о котором писал Хантингтон. Разные культуры были и раньше, и происходили войны между исламом и Европой, но это другое. Сейчас речь идет о подрыве самих основ исламской и других культур на Востоке и в Африке. И международный терроризм — это извращенный способ противодействия этому наступлению. Дело в том, что если люди, живущие в традиционных обществах, начинают осваивать западную массовую

культуру, они теряют свою идентичность. А проблема идентичности — не экономическая или политическая, а культурная и социально-психологическая. Чтобы быть и осознать себя кем-то, человек должен вписываться в какие-то коллективные идентичности. Эти идентичности, связанные с культурой, традициями, разрушаются, подрываются, и само понятие личности в связи с этим размывается. И что остается делать? Или смириться, или каким-то образом пытаться этому противодействовать. Другое дело — как? Современный международный терроризм — это извращенный способ такого противодействия.

Среди террористов много людей малообразованных, может быть, не вполне вменяемых, но не в этом дело. Ведь идеологи терроризма — это люди, которые получили хорошее образование на Западе и владеют современными информационными технологиями. Конечно, среди причин современного международного терроризма есть и экономические. Там переплетается все. Но если мы не учтем самого чувствительного для человека феномена — проблему его идентичности, которая сегодня подрывается, — то не поймем глубинных истоков терроризма и тем самым не решим проблему борьбы с ним.

Борьба с международным терроризмом, бесспорно, включает и силовое противодействие. Конечно, терроризм — недопустимая вещь, величайшее моральное зло. Для того чтобы искоренить терроризм, нужно также находить способы улаживания политических и экономических проблем в разных регионах. Но этого недостаточно. Если мы хотим победить терроризм, нам необходимо понимать и уважать чужие традиции. А понимание — сложнейшая вещь, потому что порой бывает так, что мы разговариваем с представителями других культур о каких-то проблемах, и кажется, что мы говорим об одном и том же, а на самом деле у нас совершенно разное понимание этих проблем. Это определяется разностью культур. Так что проблема международного терроризма — это еще и культурологическая, и философская проблема.

В заключение несколько слов о том, как рекрутируются террористы. Почему такие люди появляются в России? Почему студентка философского факультета, которая хорошо училась и была вроде бы неглупой, пыталась попасть в ИГИЛ? Я думаю, что это связано все с той же проблемой идентичности, которая и в Европе сейчас весьма актуальна. Например, человек родился в западной европейской стране — во Франции или Бельгии, куда приехали его родители, он там вырос, знает язык, вроде бы живет в культуре принимающей его страны. Но на самом деле не вписался полностью, не интегрировался. И такие анклавные гетто людей, которые живут в странах Европы и все равно не интегрируются, для этих стран большая проблема. Кто эти люди — французы, или арабы, или кто-либо еще? Это для них проблема. Они не могут найти свою идентичность. Эти молодые люди легко становятся жертвами воинствующих проповедей.

Как противодействовать терроризму? Как я сказал, нужны и силовые способы, и способы диалога культур, о чем мы и говорим на Лихачевских чтениях. Я хочу

обратить особое внимание на то, что для европейской культуры важнейшие ценности — это свобода и защищенность. Сейчас говорят, что в связи с борьбой с терроризмом приходится частично жертвовать свободой в пользу защищенности. Но в связи с этим хочется задать вопрос: не слишком ли дорогую цену мы платим за это и не приведет ли это к тому, что ценность свободы как таковой постепенно исчезнет? Такая опасность ведь тоже существует.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Складывается интересный диалог крупных ученых, когда никто не спорит, а выступления взаимно дополняют друг друга: каждый обращает внимание на разные грани происходящего.

В. С. СТЕПИН: — Но в разных подходах есть инвариантное содержание, нечто общее, касающееся понимания и определения терроризма. Все согласны, что терроризм — это определенный способ посеять страх, чтобы решить политические, идеологические и другие проблемы.

Определение терроризма важно для правовой системы. Имеет ли человек право уничтожать террористов, например, в ситуации, когда группа людей готовит взрыв жилого дома? Их блокируют и убивают на месте. Возникает вопрос: имеют ли право правоохранительные органы уничтожать террористов без суда и следствия? Все эти правовые аспекты надо уточнять. Я согласен с Валерием Александровичем Тишковым, что уточнение определения терроризма должно опираться на уже проведенные исследования. И здесь приоритет, конечно, имеют те, кто знаком с содержанием данной проблематики.

Другой фундаментальный вопрос — о культуре и цивилизации. Владислав Александрович Лекторский обозначил ряд проблем современной цивилизации, которые связаны с особенностями современного терроризма. Чаще всего терроризм связывают со столкновением культур. Но для понимания его истоков нужен более широкий масштаб рассмотрения. Тип цивилизационного развития, который возник на Западе и постепенно трансформировал традиционалистские общества, породил обостряющиеся глобальные кризисы. В принципе, терроризм является одним из аспектов этих кризисов. И тогда проблемы истоков терроризма и борьбы с ним должны рассматриваться в контексте поиска новых стратегий цивилизационного развития.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я думаю, что после этой дискуссии у нас появится больше поводов для размышлений, а не однозначное представление по какому-либо вопросу. Академик Тишков сказал, что террорист — это определенный тип личности. У Гумилева есть понятие пассионария — это такой тип личности, который идет впереди социума, готов собой пожертвовать, предпринимать резкие действия. Уместно, на мой взгляд, Владислав Александрович вспомнил о справедливости. Вообще, в основе любого террора, возможно, лежит извращенное понимание справедливости. Когда человек понимает справедливость иначе, чем власть, господствующие в обществе силы.

Необходимо поразмышлять над огромным количеством исторических фактов с точки зрения их соотношения с понятием «терроризм». И чем больше мы будем размышлять, тем лучше будем понимать, что терроризм является иной формой насилия. Современный ИГИЛ (ДАИШ) по степени пренебрежения к человеческой жизни, жестокости, садизма можно сравнить с тем, что делал Гитлер, войска Германии (в частности, с блокадой Петербурга, когда перед армией была поставлена задача уничтожить все мирное население огромного города). Здесь можно вспомнить и походы крестоносцев, захват Константинополя, флибустьеров и т. д. Современный ДАИШ можно сравнить с молодежными протестами на Западе в 1968 году. Тогда молодежь, хорошо образованный социальный слой, сказала: «Мы отрицаем ценности общества взрослых, буржуазной культуры и хотим обратиться к чему-то другому». Сейчас у ДАИШ мы наблюдаем очень сомнительную, неприемлемую для мусульман переинтерпретацию мусульманской религии. Нам есть о чем подумать, и мы продолжим этот разговор на Лихачевских чтениях.

Слово предоставляется Генри Марковичу Резнику.

Г. М. РЕЗНИК: — Я с большим интересом прослушал всех выступающих. Но должен сказать, что проблема, которая для философов довольно абстрактна, абсолютно конкретна для юристов. Потому что в Уголовном кодексе есть норма, которая так и называется — терроризм. Там есть диспозиция, то есть содержание этой нормы, определение терроризма. Это определение должно ограничивать терроризм от других преступлений, которые связаны с насилием, убийством, причинением значительного ущерба имуществу (так называемая конкуренция норм). Верное определение терроризму дали Валерий Александрович Тишков и Вячеслав Семенович Степин.

Я не думаю, что можно дать философское определение терроризму, отличное от того, что существует в праве: терроризм — это воздействие с помощью насилия на власти предрасположенные в определенных политических, идеологических и религиозных целях. Мне не представляется плодотворным обсуждать терроризм в целом. Он имеет совершенно разные формы, и здесь важно провести разграничения. Вообще явление для науки начинает представлять интерес, когда становится массовым. Индивидуальный акт, допустим, Брейвика — чисто психологический. Существует много идей, которым можно поклоняться. Когда явление становится массовым, тогда оно представляет интерес для социологов и вообще для ученых.

Россия — родоначальница индивидуального террора. Борис Савинков был террористом, потому что преследовал цель, как и все анархисты, повлиять на власть с целью принятия определенных решений. А Вера Засулич не была террористкой, потому что она просто мстила за поругание, которому подвергся ее товарищ по движению. Сейчас на второй план отступил терроризм идеологический, коммунистический и пр. Реально в мире существует исламский терроризм — это сейчас актуально и должно обсуждаться.

Я определил терроризм как давление на власть, причем необязательно с целью принятия политических решений. Мотивация может быть различной. Первая мотивация — «мы хотим жить как вы, а вы нам не дадите». Вторая — «мы вообще не хотим, чтобы вы жили, должны жить только правые». И третья мотивация — «мы не хотим жить как вы, мы хотим жить, как мы традиционно живем, не мешайте нам жить, как мы хотим». Это мотивации в рамках реакции на определенную политическую ситуацию.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Генри Маркович несколько раз сказал слово «должны», но философы не существуют ради юристов. Философы и культурологи обсуждают интересные для них проблемы. Юристы, если захотят, могут воспользоваться их выводами. Из разговора, который здесь идет, многое можно почерпнуть для социологии, психологии, других наук и, кстати, для профилактики преступности.

Слово предоставляется господину Кёхлеру.

Г. КЁХЛЕР: — Я хочу поделиться наблюдением, которое мой коллега из США высказал здесь, — что террористические действия надо рассматривать как военные преступления, когда они совершаются против гражданских лиц. Второй момент касается определенных — нельзя исключать практики терроризма, которые совершаются государствами. Потому что это делает процесс более масштабным, нежели если теракты совершают отдельные люди. Таким образом, терроризм может являться военной тактикой (используется даже английский термин “terra bombing”, то есть бомбардировки для запугивания).

Необходимо договориться об общем всеобъемлющем подходе к рассмотрению освободительных движений и акций, которые проводят государства или большие группы людей. Трудно сказать, хорошее освободительное движение или нет и может ли оно использовать террористические методы. На мой взгляд, насилие не может быть оправдано, если оно используется по политическим и культурным требованиям.

Ж. Т. ТОЩЕНКО, *главный редактор журнала РАН «Социологические исследования», главный научный сотрудник Института социологии РАН, член-корреспондент РАН* (вопрос из зала): — Я согласен с тем, что определить терроризм так же трудно, как и понятие «зло». Но одно дело — личность, субъект, другое — организация, третье — социальная группа или государство.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Разве мы к чему-нибудь приблизимся в понимании международного терроризма, если будем исходить из субъекта? В данном случае субъект неясен. Вы не можете сказать, для каких целей осуществляется терроризм, какая политическая сила или страна за ним стоит. Это совершенно другой феномен. Я согласен с коллегами, которые связывают его с культурной идентичностью, ценностными представлениями о мире. Если мы исходим из этого, то тогда ценностные представления

и идентичность любого субъекта становятся последним основанием.

Все сошлись на определении, что терроризм — это применение насильственных методов по отношению к невинным людям. Эмпирически можно сказать, кто виновен, а кто — нет, а в философском смысле все не так просто. У Гегеля есть высказывание: «Невинного страдания не бывает». Поэтому я могу помыслить такой ценностный взгляд на мир и такую культурную идентификационную позицию, когда тот, что с нашей точки зрения и по всем эмпирическим показателям является невинной жертвой (ибо никак не связан с тем, кто совершает террор), тем не менее в рамках перевернутых ценностных представлений выглядит как виновный.

С. Б. БАЙЗАКОВ, *научный руководитель Института экономических исследований (Казахстан), доктор экономических наук* (вопрос из зала): — Филосо-

фы должны искать форму существования терроризма как покушение на жизнь чужого человека, нарушая принятый порядок общежития в стране. В экономическом плане форму существования личности определяет уровень ее жизни. Кем бы человек ни был, он должен существовать нормально. Если человек осуществляет целесообразную или нецелесообразную деятельность, он идет на это ради своих экономических интересов, не находя другого выхода из создавшегося трудного положения. Идеологические, культурные, духовные ценности обязательно должны связываться уровнем развития экономики страны, социально-культурной и образовательной средой человека. Можно ли назвать терроризмом, например, случай, когда женщина выбрасывает своего новорожденного ребенка в мусорный ящик?

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Это не терроризм, что понятно из хода нашей дискуссии.

Благодарю всех за участие в панельной дискуссии!